

«Митинг гласности», «арестантская жена» и загадочная история с шубой

<http://oralhistory.ru/talks/orh-2325>

15 ноября 2016

Собеседник

Алексеева Людмила Михайловна

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

Дата записи

Беседа записана 15 ноября 2016 и опубликована 10 сентября 2019.

Введение

В девятой беседе правозащитница Людмила Алексеева рассказывает о важнейшем событии мирного протеста в Советском Союзе — «митинге гласности», устроенном Александром Есениным-Вольпиным в день советской конституции 5 декабря 1965 года в защиту писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. «Это сейчас даже трудно себе представить, как это было для нас. Совершенно немыслимая вещь. Я не знаю... Как пройти обнаженной по улице, знаете? Немыслимо. Никто так не делает, никогда не делал», — вспоминает Алексеева. Митинг собрал около двухсот человек, продлился нескольких минут, его участники были задержаны, но вскоре отпущены из отделений.

В конце беседы — необычная и немного параноидальная история с шубой, которая после визита американцев в квартиру Алексеевой неожиданно оказалась в милиции.

Людмила Михайловна Алексеева: Вот с того момента, как Юлика и Андрея арестовали, а я вернулась из своего этого, поездки с дядькой... Кстати сказать, с дядькой тоже я одну очень смешную деталь упустила. Я расскажу, хотя она не имеет отношения к моим... А потом уже про это. Мы с дядькой доехали, значит, до... Ну, в общем, мы с ним в Абрау-Дюрсо, остановились там на пляже и все такое. Ну и оттуда уже я без него. Я села на самолет и прилетела в Москву, потому что мой отпуск кончился. А в Абрау-Дюрсо было очень смешно. Я пошла там на пляж, естественно. Ну, сколько это, значит... Был это 65-й год, да? Ну, тридцать восемь лет. Еще ничего было время. Можно еще на пляже спокойно раздеться. И там начали ко мне кадриться какие-то два брата. Они не то из Курска, не то еще откуда-то. Вот они, значит... Ну и первый вопрос там: «Замужем?» Говорю. «А есть ли дети?» Я говорю: «Не только дети. Внуки есть». (Никаких у меня внуков, конечно, не было.) Они: «Внуки?!» Я все-таки на пляже лежу... <нрзб> Я говорю: «Да». — «Сколько же им лет?» Я говорю про своих детей как про своих внуков. Значит, говорю: «Ну вот одному там, значит...» Это в 65-м году. Значит, один сын 47-го, то есть. Говорю: «Ну вот ему восемнадцать, а другому там тринадцать». Они такие глаза... Спрашивают: «Ну и что?» И дальше я рассказываю очень правдоподобно... Причем я ничего не вру. Я рассказываю, только говорю, что не дети, а внуки. Я думала, что после этого они отпадут напрочь. Слушайте, получилось как раз наоборот. Они приехали туда, ну, в этот самый мотель, где мы остановились, с пляжа пришли, рассказали: «Слушайте, у нее внуки!» Я имела такой успех, что я думала скорее оттуда уехать! (Смеется.)

Екатерина Андреевна Голицына: Замечательно!

Л. А.: Когда я так ловко вроде придумала! И получилось наоборот. Ну, это я к чему рассказываю? Ну, я была охоча на такие шутки, знаете? Вот. А когда я приехала, все было очень серьезно. Девочки сказали, что ребята арестованы. Они заходили... Это я рассказывала, по-моему, что они выгребали все самиздаты и у меня выгребли там, обдузив маму. Но, в общем... И что сразу началось — мы начали сразу... Раньше я только с Юликом. Я Ларису только один раз видела — вот когда она была... И потом один раз перед Новым годом, когда меня к ним пригласили, но это было в компании. Вот так. Я с ней ни разу толком не разговаривала. А тут я стала бегать к ним домой, к ней домой, почему? Потому что там получилось как? Да, вот это я еще хотела рассказать. Дело вот в чем. Что — я уже, по-моему, говорила, что мои отношения... А! Я опять заскакиваю вперед. Ладно. Я стала ходить почему? Потому что вызывают на допросы людей, знакомых с Юликом и с Андреем, и я очень волновалась, что если меня вызовут на допрос... Я думала: «Они же специалисты. Они умеют. Я вдруг чего-нибудь лягну, что потом будет во вред Юлику или кому-нибудь из людей». Я очень боялась. Я каждый раз прибежала и слушала, про что там задают вопросы, чтоб быть как-то в курсе, чтоб быть лучше подготовленной. И каждый раз, когда кого-нибудь вызывали на допрос из друзей, у Ларисы собирались все, кто этим интересовался, и человек приходил — он рассказывал, какие были вопросы, что он отвечал и так далее. Так как это шло постоянно, то такие встречи были постоянно.

Но очень изменился, конечно, круг людей, которые дружили с Юликом. Часть из тех, кто дружил, — они куда-то делись, они благоразумно отошли. А часть наоборот, вроде меня, стала ходить аккуратно. И это было... И часть тех, которые с Юликом дружили, остались. И с этими я тоже подружилась уже, потому что виделась вот каждый раз у Ларисы.

Арестантская жена

А до этого была такая история, что, собственно, Лариса к этому времени кончила аспирантуру, получила кандидатскую... Она по филологии специалист. Получила звание кандидата и попросилась, чтобы ее отправили из Москвы. И ее очень даже с большим удовольствием отправили в новосибирский научный городок. Там как раз в это время открылась вся эта вот... Ну, как бы филиал Академии наук. И ее туда отправили. Она взяла Саньку и уехала туда. Перед их арестом. Я даже не знала этого. А почему она так сделала? Она решила с Юликом разойтись. Но так как жилья-то не было другого... Она понимала, что, если она куда-то уедет, там будет как-то решена проблема с ее жильем. Ну, она там... Я уже не знаю, как. Ей дали, или она сняла. Я не помню. И она с Санькой уехала. А Юлик, который очень не хотел с ней расходиться, он довольно вскоре поехал вслед за ними, чтобы уговорить ее не расходиться. Они еще... Официально она не подавала на развод. Но уехала, сказав ему, что они разводятся. И он уехал туда, ее уговаривал, и в это время туда ему позвонили и сообщили, что Андрея арестовали. И его там уже начали вызывать на допросы. Пару раз вызвали, потом сказали: «Возвращайтесь в Москву». И он понял, что, когда он вернется, он будет арестован. Ну, и она это поняла.

И это очень меняло дело. Расходиться с ним было нельзя, потому что арестованному очень даже нужна жена. Нужно, чтоб кто-то ездил на свидания, чтоб передавал посылки и так далее, и так далее.

И поэтому она собралась и вместе с ним поехала в Москву. И когда они приехали, то его уже в аэропорту, когда он вышел, его арестовали. Домой она уже приехала с Санькой сама, без него. Ну и вот с этого началась ее... Как говорится, она работала женою политзаключенного.

Надо сказать, что Лариса, она, конечно, была удивительный человек. Я, по-моему, говорила вам, что, когда я ее увидела, я сказала Юлику, что она натура героическая. И он очень удивился. Но... Я говорила, но бывает так, что вот как у Терезы Ракен, что жизнь так складывается, что натура-то героическая, но проявить себя негде. И так жизнь проходит, и этот потенциал героизма так и остается при ней, никому не известный. Ну вот, а у нее получилось. Она оказалась женой политзаключенного. И она себя вела совершенно потрясающе как жена. Абсолютно непохоже, как никто никогда до этого в нашей стране себя так не вел в соответствующих обстоятельствах. Вот Марья, жена Синявского, очень верная жена. Она говорила им так: «Это мой муж, я его люблю. Я его...» Ну, в общем, короче говоря, она выступала как жена и отрицала всю его вину, естественно. Никакой вины не было. Но она вела себя, как положено вести себя. Это очень достойная позиция, но Лара вела себя не только как жена. Она вела себя как гражданин. Тут уже сказала, конечно, работа Алика Вольпина, Есенина-Вольпина. Вот когда... Я помню, когда ее вызвали на допрос и после этого мы прибежали слушать, значит, о чем, что было на допросе, я была сражена наповал, потому что она объясняла так: «Он меня спрашивает: „Вы должны

нам помогать, следствию. Вы должны... Если вы не будете, если вы не будете себя хорошо вести, я могу сообщить об этом на работу на вашу, и у вас будут большие неприятности». Она ему говорила... «Вы понимаете, — говорит [следователь], — о чем я говорю». — «Абсолютно не понимаю. Что значит „хорошо себя вести“? И почему, если вы сообщите на работу... О чем вы сообщите? Что мой муж арестован по семидесятой статье?» Ну, по политической. «Да, но, во-первых, он же еще не осужден. Может быть, выяснится, что он невиновен. Если даже он виновен, а я-то здесь при чем? Почему у меня на работе должны как-то реагировать на то, что не я, а мой муж арестован по семидесятой?» И так вот она с ним разговаривала. И я говорю: «Ну и как он реагировал?» Говорю: «Что он на это тебе отвечал?» Она говорит: «Ничего он не отвечал. У него челюсть отвисала». Я понимаю, почему. Потому что они тоже первый раз слышали такие разговоры. Понимаете? С точки зрения законов, она была абсолютно права. Но с точки зрения нашей реальной жизни это была какая-то невиданная позиция. Я на нее смотрела... Одно дело, когда Алик все это вещал, я признавала, что все это правда, но мне было довольно смешно, потому что это совершенно... Его разговоры — одно, наша жизнь — совершенно другое. А тут я видела, что вот человек применяет это в жизни.



Я на нее смотрела вытаращив глаза и мне очень нравилось. Потому что то, что Алик говорил, мне тоже нравилось, только это все выглядело таким, знаете? Теорией. А тут вот вам — жизнь! Практика!

И я в Ларису влюбилась без памяти. Знаете, в моей жизни было два человека, которые... Ну, не то что я хотела на них походить — это невозможно, они особенные. Но которыми я восхищалась и которые очень определили мою дальнейшую жизнь. И вот первая была Лариса. Она на меня колоссальное влияние оказала. Вот именно тем, что она Аликову теорию превратила в практику, причем не становясь в героическую позу, а как-то — а как иначе? Так и есть. Знаете? Вот что было удивительно. Что она не понимала, что она пролагает какие-то новые пути, нашей жизни не свойственные. Она была самой собой. Потрясающе.

Е. Г.: У нее не было страхов? Нет?

Л. А.: Этого у нее вообще не было.

Е. Г.: То есть она от природы была такая.

Л. А.: Вы понимаете, я от природы тоже... Удивительная вещь, но я вообще трусиха. Потому что я боюсь много вещей, которых нормальные люди не боятся. Я боюсь, например, высоты. Мыть стекла — это для меня ужас, потому что я не могу взглянуть где-то... Я не могу по узкой дощечке переходить канаву. Мне страшно. Хотя чего мне стоит перейти по этой дощечке? Ну, раньше было. Ноги нормальные, всё. Все, вся деревенею от ужаса. Я боюсь глубины. Я очень хорошо плаваю. Но я плаваю только там, где я, если я хочу, я могу встать, и там есть дно. А если я знаю, что это чуть-чуть больше, я не могу. Я тут же иду ко дну. Это... Ну я... Я трус. Я очень много чего боюсь. Я не боюсь людей. Вот это точно. И это есть... Вот это было с детства и до сих пор. Я их просто не боюсь. Причем разбойников, воров там, начальников. И самое интересное, что, поскольку это я не делаю вид, а правда не боюсь, они это чувствуют.



И вот я, например, считаю, что почтительное отношение президента ко мне, такое с явной симпатией, именно потому, что он чувствует, что вот этого вот трепета, который у всех, у меня нету, хоть убейся! Понимаете? Абсолютно! Мне что он, что охранник у нас в доме. Мне совершенно все равно.

Бандитов не боюсь. И поэтому со мной ничего не случается. Вот у меня один раз хотел вырвать сумочку... Ну, еще я молоденькая была совсем. Из рук. В этой сумочке ничего не было. Там была статья, которую я от руки написала. У меня еще пишущей машинки не было. «Московский комсомолец», по-видимому. Ну, подумаешь. Я могла ее переписать, эту статью, снова. Она небольшая была. Я схватила эту сумку... Короче говоря, начала орать и... В конце концов он убежал, но сумку оставил при мне, понимаете? А второй раз было с бандитами, которые... Знаете, мы же... Это я совсем хронологически ухожу, но я просто для... Было время, когда такси нету, поднимаем руку — и любая машина, да? Но обычно останавливаются какие-то «Жигули», которым надо, знаете, на бензин заработать. Они останавливаются провезти. А тут я стою... Я уже замерзла. На Сретенке я ловила машину. И остановился «Мерседес». И не впереди открывает, а заднюю дверцу. Я так замерзла. Я сразу села, а потом смотрю — впереди сидит какой-то весь в татуировках, знаете? И рядом со мной такой же мордоворот такой сидит. Я уже сижу в машине. Они едут. Я говорю: «Ой, мне на Арбат». А он говорит, который рядом со мной сидит, говорит: «Поворачивай, повезем ее на Арбат». То есть я на Сретенке стояла. Ну, Проспект мира — там же одностороннее движение. А мне-то надо сюда. Он повернул. Они повезли меня на Арбат. Но я не помню, с чего там начиналось... Да, он сказал: «Как это вы...» Он меня узнал. Он знал меня. «Как это вы... Почему вы без машины? Почему вы машину ловите?» Я говорю... А у меня тогда не было машины. Я говорю: «Потому что у меня нет машины. А ловлю, потому что холодно очень. Хотелось до дома доехать». А он говорит: «Вы знаете, мы, в общем, занимаемся примерно тем, чем вы занимаетесь». Я говорю: «Да? А чем именно?» Он начал очень так путано объяснять, но я поняла, чем они занимаются. Если человек садится, в тюрьме сидит, то они как-то проходят к нему — ну, естественно, имеют или знакомства, или деньги платят — и говорят ему, что они могут его освободить — ну, естественно за деньги. Они знают, кому надо заплатить, но при этом часть, значит, будет им. Он понятно объяснил. Я говорю: «Да, мы более или менее тем же самым занимаемся, только я никому не плачу и денег за это не беру, когда добиваюсь освобождения людей». Он говорит: «Ну и чего, получается?» Я говорю: «Не шибко. Так — из десяти раз, когда я десять раз берусь, ну, примерно два-три раза получается». — «Че, из десяти раз три раза без денег? Хороший результат! Хороший результат!» Он был впечатлен. И я это, когда вот у меня обламывается — чаще обламывается, чем удается, то я вспоминаю, что похвалил, говорит: «Хороший результат!» Потом, когда мы доехали до дому — они меня довезли, причем пробки были, снег, ужасно мы ехали, почти час они меня везли —

они меня довели до дому, так этот, который рядом со мной сидел такой, он вышел, под руку меня довел до этого самого, крыльца и сказал: «Не дадите на память визиточку?» Я открыла сумочку, дала ему визиточку. И он сказал: «Счастливого вам!» И ушел. Вот, пожалуйста, бандиты. Я их несколько не испугалась. Мне так смешно все это было, вся эта история. Понимаете, вот правда не боюсь. Вот это есть у меня. Может быть, тоже с детства. Когда человек непуганый, знаете? Если бы меня кто-то там побил, обманул, я бы запомнила. Все было в порядке! Я выросла. Ну, уже взрослой уже, наверно, поздно начинать бояться, да? Вот, так что я не боюсь. А вообще трусиха.

А Лариса тоже кое-чего боится. Но вот, понимаете, одно дело не бояться, а другое дело — вот признать теорию Есенина-Вольпина руководством к жизни. Она была первой, кто мне показал, как это делается. Я была потрясена. Вот это. Понимаете? Вот, и мы слушали-слушали. Я все время ждала. Но меня по делу Юлика Даниэля и Синявского не вызвали. Почему? Я даже понимаю, почему. Потому что у них дома телефона не было. А мобильных тогда не было. Я ему никогда не звонила. Ему куда было звонить. Звонил он мне. А мой телефон не прослушивался. Я же была член партии, работала редактором. Все было... И я не попала в их поле зрения. Потом, вот я не бывала в их компании. Я была отдельно. Отдельная приятельница такая, к которой ходили, — вот к ней одной ходили. Понимаете? В общем, не попала. Но все равно как-то жизнь уже изменилась, потому что вот эти вот вечные беганья к Ларисе, впечатления от самой Ларисы...

О процессе Синявского и Даниэля

Потом, ребята, зная, что Юлика арестовали, мои мальчики: «За что?» Ну, я говорю: «Вот, он печатался за границей». — «А чего он писал?» Я говорю: «Ну, я попрошу, найду, дам вам почитать». Я дала им почитать. Они же знали Юлика, они сочувствовали. Ну, они уже большие были. Хотя и школьники, но большие. Потом, как-то все... Их арест очень бурно обсуждался, потому что это был первый арест знакомых нам людей по политической при Хрущеве. Вот был этот арест Бродского в 64-м году по тунеядству. Мы, конечно, это переживали. Но, честно говоря, он был петербуржец, и как-то это... Ну, до нас доходили какие-то слухи. А участвовать мы в этом не участвовали. Я, во всяком случае. И там писали письма какие-то, писатели, всё, но в самиздат — это был 64-й год — они еще не уходили. Те, кто писали эти письма, еще не позиционировали себя как авторы самиздата. Они писали туда, куда они писали. В самиздат они не отдавали. И мы не знали ни про эти письма, ни про чего. Мы потом узнали, позже. А это был наш процесс, и Москва гудела.

Е. Г.: Расскажите теперь про «митинг гласности».

Л. А.: Подождите. Знаете, вот среди наших обсуждений были не только обсуждения вот, что что там на допросах, а про адвокатов. Вот, значит, Кшесинские были адвокаты, и их порекомендовала Каминская. Мы знали, что она такая — нам сочувствует и все такое. Но сами они с нами никаких контактов не имели. С женами — постольку, поскольку это жены. Они не были вот во все это вовлечены, во все наши вот эти... Но все-таки поскольку они были рекомендованы Каминской, то когда уже близился суд, то до этого они, когда их арестовали, они думали устроить такой показательный процесс, чтобы все возмущались. Была Ермилова, по-моему, статья. «Перевертыши» называлась. В «Литературной газете»¹. Вот негодяи, которые, значит, печатали за границей чего-то, позорили, чернили нашу страну. Здесь они делали вид, что они советские люди, а там... Ну вот «перевертыши». Делали вид и все такое. Потом была — еще Зои Кедринной статьи². Но для открытого процесса надо две вещи. Чтобы общество, ну, искренне или неискренне, но как-то поддерживало официальную точку зрения. И чтобы сами обвиняемые каялись там, ну, вели себя соответственно. А ничего этого не было. Те говорили: да, мы публиковались за границей, но мы публиковались потому, что каждый писатель хочет иметь читателей, а у нас опубликоваться невозможно из-за цензуры. Только этим было вызвано то, что мы за рубежом публиковались. И не каялись. А самое главное, что общество встретило эти аресты как возвращение чуть ли не к сталинским временам, и очень сочувствовали арестованным. И совершенно не разделяли возмущение.

¹ Статью «Перевертыши» опубликовал в «Известиях» Дмитрий Ерёмин 13 января 1966 г. www.agitclub.ru/museum/satira/samiz/dan2.htm

² Кедрина З. Наследники Смердякова. Литературная газета, 1966. 22 янв. www.e-reading.club/chapter.php/56318/23/Terc%2C_Arzhak_-_Cena_metafory%2C_ili_Prestuplenie_i_nakazanie_Sinyavskogo_i_Danielya.html

” И поэтому получалось, что не получится такой показательный шикарный процесс, как были в сталинские времена.

И мы узнали от Дины Исааковны Каминской, которая говорила с адвокатами, что они [власти] подумывают о том, чтобы, раз такое дело, сделать процесс закрытым. И вот это нас очень встревожило, потому что тут, конечно, было самое время для Есенина-Вольпина. Он всем очень объяснял и, когда он узнал, что закрытый, — этого допустить невозможно, потому что это уже точно сталинское время, когда неизвестно, за что судили, и неизвестно, за что давали жестокие приговоры вплоть до расстрела. Вдобавок, так как это для нас был первый процесс, мы очень волновались: а собственно, а как оценят их вину, а что им будет.

Вот мой Коля пришел и рассказывал там, в своем институте, где он преподавал, в химико-технологическом институте он преподавал математику, он говорит, что он там с сотрудниками института обсуждал, значит, этот арест, и один говорит... Коля мне рассказал. Говорит: «Да, жалко ребят. Ведь шлепнут». Ну, то есть расстреляют. Я похолодела прямо. А черт их знает! Это уже был не Хрущев. Это уже был Брежнев. И что эти новые... Может, они хотят по-сталински? Вернуть все назад? Вот, очень волнительно было. Надо сказать, что вот с этого времени как-то получилось так, что если раньше было... Конечно, были всякие разговоры и обсуждения, и все такое, но как-то жизнь... Они были как бы приложением к такой жизни реальной. А тут получилось так, что как-то все отодвинулось, а вот это стало главное в жизни. А все — так, постольку поскольку.

«Митинг гласности»

И вот очередной раз собрались у Ларисы, и Алик [Александр Есенин-Вольпин] был. И как быть, если процесс закрыт? Алик говорит: «Протестовать. Нельзя допустить, чтоб процесс был закрытым. Вот проводить, провести митинг». Ну, нынешним людям не понять, что это значит. Мы ходили на эти демонстрации 1 мая и 7 ноября. Хочешь не хочешь — надо идти. А больше никаких демонстраций никогда не было. Сколько мы жили — мы уже были взрослые люди, и никогда ничего подобного не было. Это казалось, знаете, чем-то таким немыслимым. А там всерьез обсуждают — митинг будет, Алик устраивает.

” То есть теории Алика ворвались в жизнь, стали не просто разговорами, а вот... Лариса так ведет себя на допросах, ребята так себя ведут тоже, а теперь еще и митинг — привет!

Ну и обсуждали. Будет митинг в День конституции. Тогда 5 декабря, день сталинской конституции, был нерабочий день. Вот, в День конституции, Алик сказал, будем проводить. И помню, у Ларисы на кухне обсуждали.

А у Ларисы очень интересно было. Она жила в трехкомнатной квартире на улице Дмитрия Ульянова. У нее было две комнаты там. А третья комната — жил какой-то старый человек, которого не видно и не слышно было. Он сидел в своей комнате, я его никогда не видела. И поэтому, хотя у нее была вроде коммунальная квартира, у нее кухня была... Она ею пользовалась тоже как кухней, как в отдельной квартире. Вот мы именно на кухне у Ларисы — это я помню — сидели все вместе, большая компания, и как же быть? Во-первых, идти ли на митинг Ларисе? Решили, что ей не надо. Потому что неизвестно, чем это кончится. Может, всех похватают. А ей надо ходить на суд и, ну, работать женою политзека. А остальные вроде должны пойти. И Алик с помощью друзей — такие у него были друзья... Ну, мы их тоже знали. Я у них тоже бывала дома. Художник Юра Титов, который писал всякие или абстрактные полотна, или иконы какие-нибудь. Ну, такой художник, знаете. И у него была жена, которая нигде не работала. Ее звали Маркиза. Маркиза. У нее такое прозвище было. И вот, значит, эта вот Маркиза, она умела на машинке печатать. И вот с ее помощью — она отпечатаала Алику вот это его «Гражданское обращение». Мы, когда узнали про это... Там были такие слова, что лучше пожертвовать одним днем и сходить на этот, значит, «митинг гласности», чем допустить возвращение сталинских времен, когда людей хватают — и они исчезают, и их убивают неизвестно за что.

И вот... Ну, мы решили, что Ларисе не ходить. Но я себе не представляла, как я пойду на какую-то демонстрацию. Это сейчас даже трудно себе представить, как это было для нас. Совершенно немыслимая вещь. Я не знаю... Как пройти обнаженной по улице, знаете? Немыслимо. Никто так не делает, никогда не делал. И мы с Наташкой решили Алика отговорить. Он же все это сварганил. А он... Осталось всего несколько дней до этого 5 декабря, и он не ночевал дома, а ночевал по знакомым. Почему — потому что... Чтобы его не забрали в сумасшедший дом раньше, чем все это начнется. Или не арестовали. В общем, чтобы его не обезвредили. Так что надо было его как-то извлечь, чтобы уговорить не делать этого митинга. Мы стали обзванивать знакомых, примерно представляя себе, где он может ночевать. Ну, в конце концов в одном месте нам сказали так: «Ну, постараемся ему передать». Как будто. «Ну вот передайте, чтобы он пришел к Люде Алексеевой вот сегодня вечером». Или там «завтра вечером». Я уже не помню. Мы с Наташкой сидим, ждем. Приперся. Ему, конечно, передали. Мы на него накинулись: «Ты что выдумал! Какой-то митинг... Ты же не знаешь, что с этими людьми будет! Как ты можешь брать за них ответственность на себя!» И все такое. «За судьбы людей». Вот, он отбивался там в духе своей теории и своего «Гражданского обращения» нам все объяснял, но мы свое гнули. В конце концов он говорит: «Ну хорошо, девочки. Предположим, я с вами соглашусь и не пойду. Но людей-то у уже...» А это «Гражданское обращение» — его всюду раскидали. Там по институтам, в Ленинке. Ну, где всякая такая публика бывает. Он говорит: «Люди-то придут. И представляете себе, как я буду выглядеть? Я их призвал. Они придут, а я не приду». Мы подумали: «Действительно, уже все. Дело сделано». Мы заткнулись, и Алик, очень довольный своим, значит, ходом, отправился куда-то ночевать, а мы с Наташкой остались с открытыми ртами, потому что, ну, ведь сделать ничего уже нельзя.

Ну, теперь как быть нам самим? Нет, участвовать в этом митинге — это было невозможно. Это было непонятно.

” Я еще раз говорю: здесь дело даже не в страхе, а просто в немыслимости такого поступка, понимаете? Вот никто никогда так не делал. Как это так — вдруг взять и сделать?

И мы решили обе так, что мы на митинг не пойдем, но на площадь придем, потому что, ну, сидеть дома, знать, что Алика могут и всех этих ребят могут арестовать, и что с ними будет? Ну невозможно. Ведь это же наши ребята. Ну, и Адка. Наташа с мужем, а Адка... Я с Адкой пошла. Мы с ней... Она близко, она на Беговой жила. Она пришла ко мне, и мы на троллейбусе поехали оттуда на Пушкинскую площадь. (Значит, он говорил, что вот, на Пушкинской площади около памятника.) Я считала, что... Много лет считала, что он выбрал именно у памятника Пушкину, что, ну, как? «Что в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал». Знаете? И только уже в Америке, разговаривая с Аликом, я выяснила, что он выбрал Пушкинскую площадь, потому что там было здание «Известий», которые «гласность», и там бежала, нет, даже не бежала строка, а такое освещенное было слово «Известия». Ну, «известия» — это и есть гласность. Оказывается, он из-за этого выбрал Пушкинскую площадь. Ну, как-то все равно все до сих пор считают, что у памятника Пушкину. Вот.

Мы пришли с Адкой. Было, там, скажем, без двадцати шесть. Когда мы вышли из троллейбуса, пока мы от троллейбусной остановки дошли до Пушкинской площади, это было очень странно. Мы на каждом шагу встречали знакомых, с которыми мы здоровались. Там «привет» — «привет».

”

В общем, как будто какой-то, ну, я не знаю, вернисаж импрессионистской выставки, и все приперли знакомые.

Ну, еще оставалось время. Чего там топтаться? Мы побежали в Елисеевский, быстренько купили колбаски и сыру, потому что после этого митинга собираемся ехать ко мне, там несколько человек посидеть у меня, попереживать. Ну и вылетели на площадь там, скажем, без пяти или, там, без трех минут шесть. Когда мы вышли, уже участники демонстрации, этого митинга, были на месте. Это были всё молодые люди.

Е. Г.: А их сколько было?

Л. А.: Человек двадцать. Ни одного знакомого лица. Все очень молодые. Это понятно, потому что... Ну, я еще раз говорю: для нашего поколения сходить на митинг — это только Аlikом Вольпиным надо было быть.



«Митинг гласности» 5 декабря 1965 г. Источник: urokiistorii.ru

Вот, надо сказать, что до этого многие там не только до этого митинга, многие, ну, не многие, но несколько десятков человек писали в разные инстанции: Брежневу, в Верховный Совет, в газеты, в суд, в разные места. Но это были или литераторы... Чаще всего так. Было и общее письмо. По-моему, человек шестьдесят. Тоже так вот — писатели, публицисты. Они просили, что они их на поруки возьмут. Несколько друзей писали письма, и тоже письма были необычные. Не такие вот — «они хорошие, они совсем не антисоветские, это ошибка, надо их простить». А такие письма, что вроде как нафиг цензуру, люди не виноваты, у нас цензура. Это была, конечно, уже работа Алика. Не зря он всем это долбил в течение многих лет. Все-таки кое-кого он в свою веру обратил.

А это были молодые ребята, в основном студенты, конечно. Один был с лыжами. Как потом он объяснил, он нарочно пришел с лыжами, как будто так — ну шел вот с лыжной прогулки мимо, смотрю — кто-то стоит, я подошел — что такое. Вот так вот вроде, понимаете? Потому что для всех было довольно странно — митинг. Ну, из взрослых людей — Алик Вольпин и Юра Титов. Это все было...

Вот мы вышли из Елисеевского — и вот здесь на тротуаре против памятника Пушкину. Но площадь вся была запружена народом. Никакого движения машин не было.

”

И, кроме многих знакомых лиц, было еще много кагэбэшников, и это очень было смешно: сразу легко было отличить, кто пришел сам по себе, а кто кагэбэшник. Почему? Им всем ничтоже сумняшеся выдали с одного склада одинаковые пальто и шапки. Они все были не в форме, но все одинаковые. Абсолютно.

Никто об этом не подумал, знаете. Выдали теплое. При этом штатское, чтобы... Вот. Они были, значит, не рядом с памятником, а чуть за памятником. Ну вот на тротуаре, вот который около памятника. Мы с Адкой подошли очень близко. Они ходили вот так — и Юра, и Алик ходили вот так: несколько шагов туда, несколько шагов обратно. Вот так. А потом ровно в шесть часов они распахнули пальто, вытащили из-под пальто листы ватмана и подняли над головой. Вот только они двое, Юра Титов и Алик. У Алика было «Уважайте советскую конституцию», а у Юры Титова — «Требуем гласного суда над Синявским и Даниэлем». Остальные просто стояли вместе с ними. И надо сказать, что мы не обратили внимания, но, когда мы подошли... Ну, мы уже на проезжей части стояли, потому что, ну, никакого движения не было, а сзади нас к этому тротуару были припаркованы черные «Волги». Мы как-то внимания не обратили на эти машины. А когда они подняли плакаты, то буквально в мгновение ока около них оказались эти в одинаковых пальто и шапках. Они их очень так... Схватили плакаты, схватили их и потащили, запихали в машины и начали этих ребят, которые с ними... По одному тоже хватили и запихивали в машины. Машины отъезжали туда — не на площадь, а от площади.

” Это было так быстро, что я ни одной буквы не успела ни на одном лозунге прочесть. Вот прямо только они развернули — сразу цап! И все. Они рядом стояли. Этот «митинг гласности» — даже одной минуты не прошло. Несколько секунд.

Е. Г.: А журналисты там были? Западные.

Л. А.: Не только западные. Там все были. Потому что тут же начали, как только они... И как их хватили, вот как они... Ну ровно в шесть часов они начали тоже... Ведь раскидали эти «Гражданские обращения». Ну, они узнали. Один сидел на фонаре над памятником, вот на одном из фонарей около... Это, конечно, был не западный. Это был наш, который снимал, кто был. Но и вот эти... Сразу такие, знаете, блики, эти фотоаппаратов вспышки — их было очень много. Ну, мы простояли буквально, ну, я не знаю, ну чего там... Через три минуты уже никого не было. Пусто было.

Ну, мы пошли к троллейбусу, сели, приехали к нам, ко мне. И сидим. Через некоторое время позвонил Алик Вольпин: «Девочки, ну я освободился, я сейчас еду к вам». Ну, слава Богу! А мы сидели, как на похоронах. Ничего не обсуждали, молча сидели. Чего ждали — сами не знаем. Немножко ждали, что он позвонит. А с другой стороны, не очень бы удивились, если бы просидели весь вечер — и никто не позвонил. Мы не знали, чем это кончится. Но мы подождали.

Он приехал и рассказал, что его... Их отвезли в ближайшее отделение милиции — это на Петровке. Ну, они так вот, знаете, такой круг делали. То есть они ехали до Петровки. Самое интересное, что вот когда меня арестовали как Снегурочку³, ну, задержали, так тоже в это отделение привезли. Я сразу вспомнила, что это там, где Алик был.

³ Людмила Алексеева вышла на очередную демонстрацию с требованием соблюдать статью 31 Конституции РФ 31 декабря 2009 года в костюме Снегурочки и была арестована. См.: myverdict.org/popdefence/lyudmila-alekseeva-istoriya-odnoy-snegurochki/



Полицейские задерживают Людмилу Алексееву во время акции «Стратегия-31» на Триумфальной площади, 31 декабря 2009 года Михаил Воскресенский / Reuters / Scanpix / LETA

Ну и он рассказал, что какой-то, говорит, держит в руке скомканный плакат и говорит: «Что за плакат вы держали?» А он говорит: «Ну прочтите». Он расправляет плакат, читает: «Уважайте советскую конституцию». В День конституции. За что человека держать? Его отпустили. Но Юру, который «Требуем гласного суда», тоже отпустили — ну чего особенного? Но это

сейчас кажется — ничего особенного, а тогда было необыкновенно. Слава Богу, у тех хватило ума не арестовывать настоящего.

Ну вот так. Вот такой «митинг гласности».

Е. Г.: А какие-то случайные прохожие там были в этот момент? Не знаете, как люди реагировали неподготовленные?

Л. А.: Может быть, и были... Ну, откуда я знаю. Было очень много знакомых. А наверное, незнакомые были. Идут, чего-то происходит. Но, знаете... Праздничный день, шесть часов вечера, зима. Чего на улицах делать? Сидят дома, выпивают. Особенно людей — не думаю, чтоб были. Не думаю. Вот. Ну, потом...

Е. Г.: Про суд вы рассказывали, Людмила Михайловна. Это мы прошли...

История с шубой и американцами

Л. А.: Ой, вы знаете, я еще хотела... Я вот так перед тем, как вы приходите, стараюсь в голове провертеть... Я не рассказала про один очень интересный... Очень интересную историю. Это было еще до ареста Юлика, и это до сентября 65-го года. Когда — я точно не помню. Но это можно посмотреть, наверное, в интернете, потому что в это время была первая в Москве выставка в Сокольниках американской рекламной живописи⁴. И казалось бы — рекламная живопись, кому это интересно. Но первая выставка, знаете, американская. Это при Хрущеве было еще. На нее стояла огромная очередь. Я тоже ходила. Но выставка — Бог с ней. Выставка и выставка, поглядели и ушли.

⁴ После Американской выставки в Сокольниках, которая прошла летом 1959 г., так что с этой историей не может быть связана, и до 1964 г. в СССР прошел целый ряд других американских выставок, в частности, «Американские пластмассы» (1961), «Американский транспорт» (1961), «Американская медицина» (1962), «Американская техническая литература» (1963). Вероятнее всего, здесь речь идет о передвижной выставке «Американская графика», проходившей в 1963—1964 гг. в Алма-Ате, Москве, Ленинграде и Ереване и включавшей в себя образцы промышленной упаковки и графической рекламы. В Москве она открылась 6 декабря 1963 г. в павильоне «Узбекистан» на ВДНХ.

А вот что я хотела рассказать. Это правда интересно. Почему я вспомнила? Я стала вспоминать про эту демонстрацию, про Юру Титова. А тут Юра Титов звонит мне домой на Динамо и говорит: «Людочка! Вот не выручишь ли ты меня? Понимаешь, я познакомился с двумя американцами — вот художниками с этой выставки, которые приехали на эту выставку. Там их экспонаты какие-то. Ну, рекламные художники американские. И они немножко говорят по-русски, и они хотят побывать у кого-нибудь дома. Им интересно, как живут советские люди. Я бы, — говорит, — их привел к себе, но ведь у меня необычный дом. Ну, такой богемный. А я звоню кому из знакомых — и никто не хочет, все боятся американцев домой. Может, ты наспустишь?» Я говорю: «Конечно! Приходите!» А я же говорю — я никого не боюсь в этом отношении. И, пока они собираются ко мне, я, значит, бегом в соседний магазин, в соседнем доме магазин, там винный отдел. Купила, значит, бутылку — уж не помню, вина или водки. Наверное, вина все-таки. И чего-то, чего-нибудь такое поставить на стол, ерунду какую-нибудь. Пришел Юра с двумя этими лбами-художниками. Ну, мы сидели, разговаривали. Значит, ребята [дети] посидели немножко. Потом я их поперла спать. Мы еще посидели. Из всех разговоров я ничего не помню, кроме как я их спрашивала... Ну, художники рекламы. Я говорила: «Ну, а в чем дело? В чем ваша задача?» Они говорят: «Привлечь внимание к этому продающемуся товару». Ну, и один из них рассказал такую вещь, что вот он делал, оформлял обертки для мыла и, ну, создал какой-то там рисунок, наверное. Но одна обертка была салатного цвета, а другая — малинового, и они выяснили... А совершенно одинаковый рисунок, только разные цвета. Так вот, малиновая продавалась чуть ли не в два раза больше, чем салатная. Вот все, что я запомнила от этого вечера и от этих рассказов. Ну, чего-то еще говорили.



Очередь на выставку «Американская графика» в Ленинграде. 1963. Источник: www.metaformdesigninternational.com

Почему я говорю, что это интересно? Когда я, значит, сбегала-то когда в магазин, когда он мне позвонил, и я, значит, одела шубу, эту не брала, сумку, а в карман шубы сунула деньги. Когда я там купила вино и закуску, я, придя домой, посчитала, сколько осталось, и обратно в карман сунула, потому что уже вот сейчас придут, уже некогда было, там, переключать обратно в сумку. И повесила. Ну, а у нас квартира была такая... Это была большая — собирались генералам отдавать, а потом там, значит, скандал, и генералам не отдали, а нескольким офицерам. Ну и получились коммунальные квартиры.

Но квартира шикарная. Всюду, знаете, паркет, даже в коридорах, и все такое. И вот когда открываешь дверь входную, довольно просторный такой холл — и там вешалки. Ну вот моя шуба, я там повесила. А потом довольно большой коридор, и в самой глубине моя комната. Ну вот я повесила шубу и туда ушла. Они ушли. Я легла спать. Естественно... Теперь... Как это было? А, утром, но довольно рано, там, скажем, в восемь утра звонок телефонный. Ну, у меня около постели телефон. Я снимаю трубку. Говорят: «Скажите, у вас шуба не пропадала?» Я говорю: «Нет». — «А посмотрите». Я положила трубку, говорю: «Сейчас посмотрю пойду». Выхожу — шубы нету на вешалке. А у меня такая шуба была енотовая, довольно красивая. Я еще когда замужем была, ее приобрела. Мне потом это было бы не под силу. Я говорю: «Вы знаете, нету шубы». В ужасе таком и в растерянности говорю: «Вы правы. Нету шубы». — «Так вот, это из местного отделения милиции звонят. Зайдите, заберите свою шубу». Я говорю: «Куда прийти?» Мне объясняют, дают адрес. Ну и, значит, там, ну, в десять часов, скажем, вот. Я ребят отправляю в школу и мчусь, естественно, за своей шубой. Прихожу. «Да, — говорят, — к начальнику милиции зайдете». Значит, я вижу надпись: «Начальник милиции...» Там какой-то — инициалы, Токарев. Мне так смешно стало, потому что была песня Высоцкого... Он только-только начинался, Высоцкий, и он тогда больше всякие прибалтанные песни пел. И там была такая песня:

Своим я был у скокарей,

Своим я был у щипачей...

(Это разные виды воров.)

И гражданин товарищ Токарев

Из-за меня не спал ночей.

Я вхожу к нему и говорю: «Как интересно — начальник милиции по фамилии Токарев». Он широко улыбается:

И гражданин начальник Токарев

Из-за меня не спал ночей.

Я говорю: «Вот именно!» Мы с ним садимся. Он говорит: «В чем дело?» Я говорю: «Ничего не понимаю». Говорю... А я когда провожала этих ребят, висела моя шуба. Я за ними, ну, проводила и дверь закрыла, пошла домой — а утром нету шубы. Я ему все это рассказываю. Ну, я ему не объяснила, кто. Я говорю: «Были у меня в гостях там три человека. Вот я их провожала. Перед тем, как спать лечь, была шуба». Я говорю: «Деньги пересчитала в кармане». Он говорит: «А ну посчитайте». Я смотрю — деньги целы в кармане. Я говорю: «Слушайте, я ничего не понимаю. Дверь не взломана, никого не было, все в порядке». Он говорит: «В пять утра в нашу милицию...» Там у них дежурный. Позвонил сосед из моего дома, с моей лестничной площадки, и говорит, что он вышел в пять утра... Он, знаете... Зимняя рыбалка. Он хотел на зимнюю рыбалку в пять утра. Он вышел. И говорит: «На лестнице...» Ну, у нас там восьмой этаж, а еще есть девятый. И вот на этой лестнице моя шуба лежит аккуратненько так, так у нее руки вот так вот, лежит шуба. А меня нету. Он знает, что это моя шуба. Шуба красивая, он видел — я в ней ходила. Он говорит: «Я так испугался. Ну, а женщина-то где? Шуба есть, а женщины нет». Он позвонил в милицию. «Вот такое дело. Это шуба моей соседки. Я знаю». Они приехали. Лежит шуба. Они забрали эту шубу, дождались восьми утра и мне позвонили. Я до сих пор не знаю, в чем дело.

Е. Г.: Фантастика.

Л. А.: Но я предполагаю такое, что, по-видимому, за этими американцами следили наши идиоты из КГБ. Когда они увидели, что они ко мне зашли, у меня были и когда они ушли, они открыли дверь, забрали эту шубу, и они не собирались меня грабить. Они собирались меня напугать. Мол, не принимай американцев-то. Я другого не могу объяснения...

Е. Г.: Предупредили вас таким образом.

Л. А.: Вы понимаете?

Е. Г.: Удивительно.

Л. А.: Ну вот интересно, посмотрите, когда была эта выставка, в каком году это было.

Е. Г.: В конце 1950-х, нет?

Л. А.: 1959-й... Нет. 60-й... Еще был Хрущев. Потому что Брежнев не устраивал американских выставок сразу. А в октябре 64-го Хрущева убрали. Значит, где-то до октября 64-го. Но я не помню, когда. Вот такая вот история. Она ни к чему не относится, но интересно для того времени.

Е. Г.: Да, очень.

Л. А.: Я вспомнила и подумала: надо рассказать. Хотя я это время пропустила. Куда-нибудь там...

Е. Г.: Детективная история.

Л. А.: Да. Вот такая вот.

Е. Г.: Людмила Михайловна, если такое вспоминается, обязательно рассказывайте.

С. Хмельницкий, А. Синявский и его французская подруга

Л. А.: Да-да. Вот вспомнила, надо же. Да, ну теперь... Ну, еще полчаса.

Е. Г.: Вы еще можете, да? Давайте вы расскажете, поскольку мы уже про суд...

Л. А.: Ну да, я вернусь обратно.

Е. Г.: Про Анатолия Марченко возвращение расскажете? И вообще как встречали в те годы тех, кто возвращался из лагерей, из тюрем, первых особенно освободившихся?

Л. А.: Знаете, вот когда мы были у Юлика в лагере...

Е. Г.: В Мордовии.

Л. А.: Да. А, я еще хотела сказать, что первый раз Лариса поехала в лагерь в 66-м году. Ну, сразу. Это зимой было. Вообще, когда их засудили, то... Ну вот мы узнали приговоры. Ну, приговоры были жестокие: все-таки пять лет и семь лет. Но тут еще такая интересная тоже вещь. Я узнала об этом позже, совсем позже. Мне Лариса об этом рассказала. Вообще вот после этой поездки, когда мы ездили... (До этого я бегала к Ларисе, но как-то я бывала в общей компании.) А вот когда мы съездили и вот там всю ночь проговорили в поезде, мы как-то очень подружились. Мы поняли... Ну, я-то вообще на нее вот так вот смотрела — и до, и после. А она узнала... Вы знаете, кроме того, что вот она натура героическая, а я — совершенно нет, много общего. Вот в том, как к детям относились...

Е. Г.: Как вы воспитывали, да, вы рассказывали...

Л. А.: Как к людям относились. Вот мы здорово друг друга понимали. Понимаете? Вот только в ней еще вот впрыснут был вот этот вот героический фермент, которого во мне не было. Так мы очень хорошо друг друга понимали и к людям относились одинаково. В общем, много было похожего. И вот с этого времени началась наша не разлей вода. И в частности, она мне рассказала... Ну, это не очень сразу, но... Я даже не помню, когда. Но рассказала такую вещь, которую она знала очень хорошо, но, конечно, никому не рассказывала. Мне рассказала — это был большой акт доверия — именно, как очень близкой подруге, когда мы были уже очень близкие подруги. Прошло какое-то время. Она рассказала вот что. Что, когда еще Андрей Синявский учился в Университете, с ним вместе на курсе училась дочка тогдашнего французского посла в Москве Элен Замойска. У нее какая-то двойная фамилия была, потом она же замуж вышла, у нее была двойная фамилия. Ну вот она училась. И во время учебы они с Синявским очень подружились, и из-за того, что он дружил с этой дочкой посла французского, его вызвали в КГБ, и они хотели, чтобы он стал осведомителем, чтобы он за ней следил и им всё — доклады писал. Это было еще сталинское время (ну, они студентами были), и тогда отказываться было от этого — это значит сломать и себе жизнь, и своим близким. И он согласился. Но, конечно, он не хотел на нее доносить, и поэтому он ей рассказал о том, что его к этому вынудили. И для того чтобы ничего не писать, они придумали такую вещь, как будто они поссорились. Там... Я уже не помню, как это было, но... А! Они... Вот, вспомнила. Они ему велели (когда он согласился, что он будет осведомителем), они ему велели, чтобы он пришел в какой-то там парк, сел на определенную лавочку с ней и сделал бы ей предложение. Они хотели, если бы они поженились, то тем самым они бы могли ее тоже затянуть в свои сети. И он ей сказал об этом. И поэтому они сели на эту лавочку, и, вместо того чтобы делать ей предложение, он ей рассказывал все это, что ему надо сделать предложение и что единственный способ от этого избавиться — это сделать вид, что они поссорились. И они, сидя на лавочке, разыграли ссору, и вроде все. А кроме того, они... И еще был у них осведомителем их друг, с которым он дружил, Хмельницкий, но тот действительно дал согласие и писал доносы, и доносил на людей. Когда они узнали, что они оба осведомители, что они пишут доносы, то, значит, они решили писать их вместе, чтобы, ну... Но Хмельницкий это делал всерьез, и Синявский это понял. И, когда они потом подружились там с Юликом и вся эта компания, Синявский рассказал, что... Уже хрущевское время, уже их оставили... Он [Хрущев] же разогнал КГБ, и кончились эти доносы. Ну, он уже больше не писал. Но он понимал, что контора осталась и с ней надо осторожно. Доносы он не писал, но, как говорится, демонстрировать свою антипатию он не собирался. И он рассказал про Хмельницкого Юльке, чтобы он остерегался Хмельницкого, но он... Они думали, как от него избавиться, от Хмельницкого, как его выпереть из своей компании, но ничего придумать не могли. Он так вот себя вел прилично, не обнаруживая, что он стукач. Нельзя было выпереть. А Хмельницкий был довольно способный парень. Он был специалист по восточной архитектуре и писал очень приличные стихи, которые многие из них знали. Вот, в частности, Лариса мне читала на память его стихотворение одно. Как-то:

Все мы, граждане, это знаем,

Как в начале седьмого века

Под веселым зеленым знаменем

Шел пророк из Медины в Мекку.

Львы рычали, ослы кричали,

И, покрытые какой-то там пылью,

Бедуины прямыми мечами

Городские стены рубили.

И чего-то... Не помню уже там дальше.

...Так выпьем же нашу чашу...

Это кончается так:

За пророков седьмого века,

За веселую юность нашу,

За дорогу Медина — Мекка

И за первую пядь дороги,

За первейший дороги атом,
Что уляжется нам под ноги
Завоеванным халифатом.

Вот я плохо помню, а хорошие стихи. Есть настроение. Она еще что-то читала его. Говорит: «Вот...» Но они знали, и Лариса знала, а сделать ничего не могли. А потом один раз... Да, а они, вот эти самые кагэбэшники, они... У посла кончилось время, он уехал, и Элен уехала вместе с ним. Вроде все. Но они не оставляли идеи, чтобы ее заманить сюда и все-таки завлечь в свои сети, и они сделали совершенно невыносимую вещь в советское время — это еще сталинское время. Они Андрею Синявскому, когда Элен Замойска была в Вене, они его отвезли в Вену, чтобы он с ней встретился и все-таки, значит, там чего-то такое. Я уже не помню, чего. Опять, что ли, предложение делал? Я уже не помню. И опять — вот они на какой-то лавочке, а те за ними следят. А он ей сказал, что они меня специально привезли, и они договорились, что он будет посылать свои произведения на Запад. Это было в 56-м году. Это уже было после Сталина. Когда они немножечко... Ну, сначала перепугались, а потом за старое взялись. Вот, и что она будет представлять его интересы в издательствах. И, когда он вернулся, он рассказал Юлику, что он об этом договорился. Про нее он сказал, что ничего не получилось из того, что они хотели. А Юлику он сказал. И она присылала к ним своих знакомых, которые там журналисты или кто-нибудь, кто сюда приезжал. Они передавали эти свои статьи... То есть произведения. И Андрей, и Юлик. И она их там публиковала. Вот они с 56-го года и начали таким образом публиковаться.



Элен Пельтье-Замойска. Источник: zhivagostorm.org

Лариса мне все это рассказала и рассказала, как они избавились от Хмельницкого в конце концов. Получилось так, что, когда они уже публиковали произведения свои, их передавали по «Свободе». Ну, читали. И какой-то раз они сидят, включают «Свободу». Там компания, в том числе Хмельницкий. И передают Юликово произведение «Говорит Москва». Но он, значит, Николай Аржак у него псевдоним, а у того — Абрам Терц. Он Николай Аржак.

” А Хмельницкий говорит: «Да никакой это не Николай Аржак! Это Юлька Даниэль! Это он написал. Почему я знаю — потому что я ему сказал: вот интересный поворот был бы дела, интересно описать — вот День открытых убийств объявляют. А он, — говорит, — взял эту идею мою и написал это!».

И, когда он это сказал, они сказали: «Ты нас выдал. Мы с тобой не хотим иметь дела». И порвали с ним благодаря этому. Вот это мне все Лариса рассказала, и я это все знала.

Е. Г.: Так из-за него их арестовали в конце концов?

Л. А.: Нет. Нет.

Е. Г.: Или они и так уже знали? КГБ.

Л. А.: Вообще что они этого не знали так долго — это просто удивительно, потому что столько людей из наших знало, что это они пишут. Мне Лариса рассказала, потом еще одна девчонка рассказала про Юлика. Потом Эйдин говорит: «Хочешь, я тебе скажу, кто такой Абрам Терц?» Я говорю: «Не хочу». — «А почему?» Я считала, что, если знает несколько человек, это уже не секрет. Неизвестно, куда уйдет. Я не хотела в этом участвовать. И поэтому... Я знала, когда их арестовали, я знала, и человек пятьдесят в Москве, по крайней мере, знали. Кто выдал, я не знаю. Очень много знало. Но они же публиковались с 56-го, а арестовали-то их в 65-м.

Е. Г.: Вот это и удивительно.

Л. А.: Девять лет — вот им было! Понимаете? Хотя много народу знало. Так что очень интересно. Вот я опять ушла, но это стоило рассказать. Верно ведь?

Е. Г.: Конечно. Да. Это важный момент.

Л. А.: Да. И такие... Не публиковавшиеся.

Е. Г.: Надо про таких людей тоже рассказывать. Называя имена.

Л. А.: Да. Да, а потом с этим вот Хмельницким интересно. Они мне рассказали: вот Хмельницкий, Хмельницкий. Ну, я все знала, да. Ну, у них там есть какой-то там стукач Хмельницкий. Я знала, что он выдавал кого-то там. Кого, я не знала. Потом мне сказали: Брегеля выдал. Я человека по фамилии Брегель не знала. А потом выяснилось, что... Как я это выяснила, сейчас я вспомню. Там вот что было. Хмельницкий собрался защищать кандидатскую диссертацию по своей восточной архитектуре, и на его защиту пришел Брегель. Он петербуржец. Ну, он ленинградец был. И все шло очень хорошо. Диссертация была очень хорошая. Когда он там выступает, взял слово этот Брегель и говорит: «Я хочу вам сообщить сведения о диссертанте, не относящиеся к самой диссертации. Дело в том, что именно он написал донос на меня и на моего товарища, и нас двоих посадили. Я сидел шесть лет, а товарищ — пять». Или наоборот. Я не помню. И ему накидали... Ну, в общем, он... За него не захотели голосовать. Он не получил диссертацию. И это стало известно, и ему такой был остракизм, что он поболтался-поболтался некоторое время и уехал не то в Ташкент, не то в Самарканд. Куда-то туда. Потому что в Москве ему было невозможно. Все от него отказались. Ну, это уже было в хрущевское время.

Е. Г.: По заслугам.

Л. А.: Но я это все знала. Ну, я даже знала про эту историю с Хмельницким до того. Ну, когда это случилось. До того как мне Лариса рассказала, что они были знакомы с Хмельницким. Но самое интересное, что никто мне не говорил, как фамилия приятеля Брегеля, которого Хмельницкий тоже посадил. Когда я узнала, я чуть в обморок не упала. Это был Володя Кабо. Он мой однокурсник. Я знала историю Хмельницкого и не знала, что он относится к... Понимаете? А когда Брегель вот выступил там, на его защите, этот Хмельницкий пришел потом к нему и говорит: «Зачем ты это сделал? Ты мне жизнь испортил». А он говорит: «А почему же ты не думал, что ты нам жизнь портишь, когда ты нас в лагерь отправлял?» А он сказал: «Ну, вы там потеряли несколько лет, а я потеряю всю жизнь». А они ему на это сказали, что «это просто времена изменились, а иначе мы потеряли бы всю жизнь, а ты бы жил себе припеваючи, как и прежде».

Е. Г.: Ужас.

Л. А.: Ну, а потом вот еще его... Тоша разговаривал с ним во время суда. Это я рассказывала, да? Или нет? Во время суда над Синявским и Даниэлем мы там стоим во дворе, и Тоша Якобсон, который в их компании был, говорит: «Погодите, это, кажется, идет эта сука Хмельницкий, выходит оттуда. Это, — говорит, — может, он их посадил?» А он тогда сказал, что нет, я после того, как вот сталинское время кончилось, после 53-го года я не писал доносов. Наверно, это правда. Так Тоша побежал за ним и говорит: «Это ты, сука, на них донес?» А он говорит: «Нет». — «А чего ты там говорил, на суде?» А его вызвали из его Бухары или Ташкента. А он говорит: «Я сказал, что... Да, я, — говорит, — я сделал гадкое дело, когда я публично сказал в компании, что Аржак — это Юлик Даниэль, что я ему... Но, — говорит, — я не писал. Кто — не знаем». Вот такие истории.

Е. Г.: Разнообразные истории.

Л. А.: Да. Ну, давайте на сегодня хватит. И так много рассказала. А завтра уже будем по-честному про Толю.